РАЗДЕЛ I

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ КАК ОСНОВА ЦЕЛОСТНОСТИ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

УДК 130.2(4/5)

DOI: 10.32340/2514-772X-2020-1-5-10

С. Ш. Аязбекова, доктор философских наук, профессор
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Казахстанский филиал (Нур-Султан, Казахстан)
ayazbekova@mail.ru

ЕВРАЗИЙСТВО, НЕБЕСНЫЙ БОГ И ЦИВИЛИЗАЦИИ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ

Аннотация. Статья посвящена переосмыслению концепций евразийства: от «Евразии» – к «Большой Евразии»; с периода Нового времени – к длительной исторической эволюции, начиная с палеолита и до наших дней. Анализируется терминологическое переосмысление терминов, используемых на разных этапах истории и относящихся к территории «Большой Евразии»: «Мамонтова степь», «Тундростепь», «Скифия», «Ариана», «Туран», «Сарматия», «Дешт-и-Кипчак», «Кыпчакская степь», «Кыпчакские поля», «Тартария», «Великая степь», «Евразийская степь», «Евразийский степной пояс», «Евразия», «Большая Евразия». «Большая Евразия» рассматривается в историко-культурном и цивилизационном контекстах. Анализируется этнокультурное многообразие, Небесные и Земные боги древней Большой Евразии, макроцивилизационная система Великой степи.

Ключевые слова: термин «Евразия», евразийство, цивилизации Великой степи, Небесный бог Тенгри, номадизм.

В последние годы мы все стали свидетелями переосмысления концепции евразийства: от «Евразии» – к «Большой Евразии». Данный переход обусловлен геополитическими процессами, стремлением объединения Евразийского экономического союза, Европейского союза и Нового Шелкового пути. Термин «Большая Евразия» вошел и в современную науку – как континентальный геостратегический, межгосударственный, политический и экономический концепт, выросший из необходимости диверсификации экономических связей и стремления к безопасности в XXI в. [1, 2].

ООН признано, что Большая Евразия включает в себя Европу, Азию и часть Африки; на начало XXI в. она состояла из 48 стран Европы, 50 – Азии и 7 – Северной Африки, охватывающие восемь из двенадцати локальных цивилизаций и девять цивилизационных объединений, что составило 4/5 населения мира, здесь же было сконцентрировано почти 9/10 производимой в мире энергии, около 3/4 мирового ВВП [3].

Не случайно поэтому, в настоящее время предметом широкого обсуждения становится разработка общей концепции проекта «Большая Евразия»,

обретают формулировку существующие проблемы, ведутся поиски ресурсов и механизмов реализации. Однако актуальным представляется историко-культурный контекст исследования «Большой Евразии», поскольку это позволяет понять истоки ее единства и целостности, и, возможно, – вынести исторические уроки для реализации столь масштабного проекта.

Полагаю, что значимость такого подхода обусловлена тем, что территория евразийского континента на протяжении многих тысячелетий образовала связи в результате многочисленных взаимодействий – как экономического, так и военно-политического, миграционного характера. Однако издревле единство и целостность всего евразийского континента задавали не только торговля или переселение народов, но и взаимодействие культур и цивилизаций. Центральное же место в этих процессах занимала степная зона Евразийского континента. В своей исторической эволюции она претерпела многообразные терминологические изменения, свидетельствующие о смене исторических периодов, доминантного положения тех или иных народов.

Однако неизменным в этой череде терминологических изменений остается одно: все они выражают взаимодействие Европы и Азии, в них же обнаруживаются также контакты народов, цивилизаций и культур.

**Терминологическое осмысление:
от «Мамонтовой степи» –
к «Большой Евразии»**

«Великая степь» – это название повсеместно используется в наши дни для обозначения степной зоны Евразийского континента, находящейся в его центральной части и простирающейся практически от берегов Тихого океана до Восточной Европы и от реки Хуанхэ до берегов Ледовитого океана. Великая степь делится на две основные части: Восточную и Западную. Восточная часть называется также «Внутренней Азией» и включает в себя территории Монголии, Джунгарии и Восточного Туркестана. В Западную часть входят территории Казахстана и Причерноморья и Венгерской Пушты [4, с. 6–7].

Другой распространенный термин – «Евразийская степь» – как географический объект также представляет собой некоторую условность, поскольку наряду с собственно степной зоной включает в себя «много аazonальных ландшафтов: горные хребты, поросшие лесами, речные долины, оазисы в бесплодных пустынях» [5, с. 26–27].

Для обозначения степной зоны Евразии в современной науке зачастую используется еще один термин – «Евразийский степной пояс», который представляет собой «домен» скотоводческих культур, где возникало сосуществование разнообразных типов культур [6].

Стало быть, распространенные в наши дни термины «Великая степь», «Евразийский степной пояс», а также «Евразийская степь» являются достаточно условными терминами, поскольку включают в себя разнообразные аazonальные ландшафты.

Мировой истории известны и другие, более ранние названия этой степной части Евразии. При этом границы других наименований не всегда совпадают с границами Великой степи. Однако в них отчетливо прослеживается степная доминанта.

Так, с эпохи плейстоцена и до Последнего ледникового максимума территория Великой степи была частью *Тундростепи*, которая в англоязычной литературе именуется «Мамонтовой степью» или «Мамонтовыми прериями» [7, 8]. Тундростепь охватывала степную территорию от Европы (современной Испании) до равнин Северной Америки (современной Канады). Данное название вполне адекватно отражает существующее территориальное единство этого исторического периода.

В частности, на основе археологических изысканий было определено, что 40 тыс. лет назад люди впервые переселились из Азии в Америку. При этом миграции представляли собой не единый поток, а имели волнообразный характер, продолжающийся вплоть до XII в. [9, с. 7]. Историко-культурная общность, возникшая в этот период, достаточно ярко прослеживается в петроглифах [10].

В VII в. до н. э. греки, столкнувшись впервые со скифами, ввели в обиход понятие «Скифия», распространяя это наименование на территорию западной части Евразии, а иногда и всей Евразии до Тихого океана.

С IV в. до н. э. срединный ареал Евразийской степи выделяется в особую географическую и культурную общность, определяемую туранскими арийскими-скотоводами терминами «Ариана» или «Туран». Географически «Туран» простирается от Амура до Дуная и, являясь срединной частью Великой степи, находится между Большим Монгольским пространством и зоной южнорусских степей от Волги до Дуная. Именно здесь – в Туране возникают пограничные культуры – «на стыке Леса и Степи (Западная Сибирь), Леса, Степи и Горы (Урал, Алтай), Степи и Пустыни (Средняя Азия)» [11, с. 6].

Римляне, столкнувшись в конце I в. до н. э. с сарматами, вытеснившими в III–II вв. до н. э. скифов, дают новое название этой территории – «Сарматия». В середине II в. н. э. Птолемей выделяет Европейскую Сарматию (от Вислы до Дона) и Азиатскую Сарматию (от Дона до Урала и Каспия). Он же обозначает территорию «Скифии» следующим образом: от Каспия и Урала до Тихого океана.

Позже, в раннее средневековье, сами тюрки, а за ними персы и арабы стали именовать Евразийскую степь «*Дешт-и-Кипчак*», что в переводе с тюркского означает «*Кыпчакская степь*», «*Кыпчакские поля*». Так появилось и самоназвание степного народа – кипчаки. В IV–V вв. Дешт-и-Кипчакской степи выплачивала дань Римская империя. В древнерусских летописях вся эта территория – от Алтая (Байкала) до Дуная (Альп) – значилась как *ки* – заселенным народом-победителем» [12, с. 12].

В позднее Средневековье территория Великой степи на многих сохранившихся картах именовалась «*Тартарией*», в которую, наряду со степной кочевнической зоной, входили также Русь, Урал, лесная и тундровая зоны Сибири, приарктические области на берегу Северного Ледовитого океана [11, с. 6, 40, 44, 52].

В Новое время европейцы, именуя «*Тартарией*» территорию Великой степи, выделяли в ней «Московскую Тартарию» («Европейскую Тартарию») и «Китайскую Тартарию» («Независимую Тартарию») [11, с. 3].

В XX в. классики евразийства эту срединную часть Евразийского континента – Великую степь определяют как «Евразия». При этом понятие «евразийство» было ассоциировано теперь только с территорией России, которая была представлена как особый этнографический мир – культурно-исторический тип, занимающий «срединное» место между Европой и Азией.

Границы эти, по мнению евразийцев, исходят из признания географической целостности русской культуры, что дало основание евразийцам по-иному структурировать евразийский материк. Евразия, по их мнению, состоит не только из Европы и Азии, а подразделяется на: «1) срединный континент или собственно Евразию и два периферических мира; 2) азиатский (Китай, Индия, Иран) и 3) европейский, граничащий с Евразией примерно по линии: реки Неман – Западный Буг – Сан-Устье Дуная» [14, с. 132]. Исходя из этого, в концепции евразийства тюрки обозначаются как туранский элемент русской культуры.

Евразийцы отчетливо понимали, что «тот, кто владел степью, легко становился политическим объединителем всей Евразии», а потому и отмечали: «Естественные условия равнинной Евразии, ее почва и особенно ее степная полоса, по которой распространилась русская народность, определяют хозяйственно-социальные процессы евразийской культуры и, в частности, характерные для нее колонизационные движения, в которых приобретает оформление исконная кочевническая стихия» [14, с. 133].

В соответствии с этим начальные исторические границы евразийской культуры в концепции евразийцев прослеживаются с «имперского периода» русской государственности. С этим же периодом связано и географическое членение Евразии, и потому понятие «евразийская культура» также, как и понятие «евразийство», было ассоциировано со «срединной частью» Евразии – территорией России, а потому «местоположение» евразийской культуры, по мнению евразийцев, распространяется, в первую очередь, на русскую культуру. Не случайно поэтому, речь идет о русской культуре, объединяющей многие народы России. «Русские люди и люди народов "Российского мира" не суть ни европейцы, ни азиаты. Сливаясь с родною и окружающей нас стихией культуры и жизни, мы не стыдимся признать себя – евразийцами» [14, с. 105], – манифестировали евразийцы.

Тем самым, терминологические изменения определения территории Великой степи свидетельствуют о доминировании и широком расселении на разных исторических этапах тех или иных народов – туранских ариев, скифов, сарматов, тюрков, кипчаков, кумыков, половцев, татар и рус-

ских. Исходя из этого, признавая историческую обусловленность всех предыдущих наименований, полагаем, что именно термин «Великая степь», возникший в среде ее насельников, раскрывает цивилизационную сущность и обозначает место евразийской степи в многообразных внутри- и межкультурных коммуникациях. Кроме того, этот термин раскрывает также этнокультурное и языковое многообразие данной историко-географической общности.

Этнокультурное многообразие

Великая степь в своей исторической эволюции стала «Домом бытия» многих кочевых и земледельческих народов, взаимодействующих и сменяющих друг друга в исторической эволюции.

Географические особенности степной зоны, также как и присутствие аazonальных ландшафтов, играют существенную роль как в жизнедеятельности народов, населяющих эту территорию, так и в особенностях цивилизационного развития и историко-культурной общности. Так, степная зона формировала кочевой способ хозяйствования и скотоводческую культуру, тогда как аazonальные ландшафты способствовали возникновению оседлости и земледельческих культур. Однако степень распространения кочевников и их внедрения в области оседлых культур была столь велика, что Великая степь как культурная и цивилизационная целостность вплоть до Нового времени определялась жизнедеятельностью степняков-скотоводов.

Начиная с периода палеолита, здесь проживали европеоиды, монголоиды и уральская раса. Соответственно этому, они были носителями индоевропейского, алтайского и уральского языков и языковых семей. Как полагают лингвисты – В. И. Абаев, А. С. Бархударов, И. М. Дьяконов, С. А. Старостин, Ф. И. Щербатской и другие, – их дальнейшее расселение затрагивает не только территорию Великой степи, но и выходит за ее пределы.

В периоды неолита, энеолита на территории Великой степи проживают индоевропейцы, арии и алтайцы, из которых в эпоху бронзы выделились киммерийцы, скифы, аланы, массагеты, сунну/хунны, юечжи (восточные сарматы), индоиранцы, тохары, усунь, кушаны и другие народы. Из языковых семей в это время выделяются балтославянская и индоиранская (из индоевропейской семьи), тюрко-монгольская и тунгуссо-манчжурская (из алтайской семьи), финно-угорская и самодийская (из уральской семьи).

Железный и бронзовый век характеризуется дальнейшей дезинтеграцией групп языков и народов на территории Великой степи. В это время наряду со скифами, усунями, сформировавшимися

в предыдущий период, выделяются сарматы, прафинно-пермяне, гунны, кангюи, иранцы, славяне, тунгусо-маньчжурцы, финны, угры, древние венгры, протобашкиры и другие народы, которые являются носителями выделившихся из языковых ветвей индоиранских, финно-угорских, тюркских, монгольских, тунгусских и маньчжурских языков.

В средние века из языковых ветвей выделяются новые языковые группы/подгруппы: славянская, пермская, кыпчакская, карлукская, огузская, болгарская, монгольская. Носителями этих и некоторых других языковых групп выступают тюрки, славяне, пермяне, кушаны, кыпчаки (половцы), кангары (печенеги), карлуки, онгуты, кыргызы (потомки динлинов), туркмены (потомки парфян) и монголоязычные кидани, чжурчжэни, монголы, хазары, савиры и др. народы.

С периода позднего средневековья и по Новейшее время на территории Великой степи из алтайской семьи языков формируются и развиваются современные национальные языки, носителями которых выступают чуваша (болгарская подгруппа), туркмены, гагаузы, турки, азербайджанцы (огузская подгруппа), татары, башкиры, караимы, кумыки, ногайцы, казахи, кыргызы, алтайцы, каракалпаки, карачаевцы (кыпчакская подгруппа), узбеки, уйгуры (карлукская подгруппа), якуты, тувинцы, хакасы, шорцы (восточно-хуннская подгруппа), монголы, калмыки, ойраты (монгольская языковая группа), эвенки, нанайцы (тунгусская подгруппа) и др. Наибольшее распространение на территории Великой степи получают языки славянской языковой группы – русский и украинский, меньшее – из финно-угорской языковой группы: мордовский и марийский (волжская подгруппа), хантыйский, мансийский, а также венгерский языки (угорская подгруппа).

Как видим, на территории Великой степи исторически существовали три основные расы (европеоиды, монголоиды и уральская раса) с присутствующими им языковыми семьями. В результате дезинтеграции, с одной стороны, и многообразных генетических, языковых и культурных взаимодействий, с другой стороны, были сформированы все современные народы Великой степи и их языки. При этом наряду с земледельческими народами наиболее обширную группу населения Великой степи составляют кочевые племена, которые в силу кочевого способа хозяйствования задавали всей территории Великой степи цивилизационную целостность. Исходя из этого, одной из важнейших черт культурного и цивилизационного развития Великой степи является совмещение в ней дезинтеграционных процессов, задающих этническую идентичность, и интеграции, определяющей ее цивилизационную целостность. Не случайно по-

этому, с глубокой древности здесь существовали не только те или иные археологические культуры, каждая из которых имела свои исторические и этнографические характеристики, но и мировые и локальные цивилизации, созданные на основе веры в Небесного бога.

Небесные и Земные боги Большой Евразии

С периода верхнего палеолита важную роль в формировании единства всего евразийского континента сыграла религия – тенгрианство. В древности и средневековье распространение веры в Небесного Бога было столь широким, что позволяет говорить о мировом статусе этой религии.

Вера в Небесного Бога своими истоками имела номадическую мировую цивилизацию. Связано это, прежде всего, с образом жизни кочевников. Степная или пустынная территория, где невозможно было ведение земледелия, смена времен года, засуха или похолодание, и как следствие – поиски пастбищ и воды, определяли жизнь кочевых народов, проживающих на всех континентах, заселенных человеком – в Африке, Евразии, Северной и Южной Америке, Австралии. Любые перемещения в пространстве – будь то миграции, кочевки, военные наступления – зачастую были связаны или обусловлены космическими циклами, природными или климатическими условиями, а потому наблюдения за Небом – с постоянно изменяемым местоположением Солнца и Луны, звезд и даже планет – было главным источником информации, позволяющим выжить.

Что касается оседлой мировой цивилизации, то она была распространена также на всех континентах, там, где было возможно земледелие – на берегах морей и океанов, в плодородных поймах рек, на лесных и полупустынных территориях, а также в оазисах. И если для кочевника Небо выступало источником благодати, то для оседлых народов таковой выступала Земля.

Издавна различие цивилизаций определяет их энергетику и коммуникативные свойства. Так, энергетика номадической цивилизации экстравертна, для нее характерен высокий уровень мобильности, подвижности и коммуникативности. Освоение новых территорий, экономические, торговые и межкультурные коммуникации, кооперация во всех сферах хозяйствования, высокий уровень восприятия новаций, характеризуют номадическую цивилизацию в периоды древности и средневековья. Что касается соотношения материальных и духовных ценностей, то в силу опять-таки кочевого образа жизни основного населения в номадической цивилизации материальные ценности имеют значение только в формах жизнеобес-

печения и статуса, тогда как доминирующее значение приобретают духовные ценности.

Сущность оседлой цивилизации может быть раскрыта в терминах «ограждение», «град», «город», подчеркивающих изолированность отдельных ее территорий. Энергетика оседлой цивилизации интровертна, она направлена вовнутрь – на развитие отдельных территорий, а потому материальные ценности имеют в этой цивилизации особое значение.

Два способа жизнесуществования – кочевой и оседлый – определили особенности мировосприятия и мировоззрения, соответственно этому различались и древние боги. Это были боги Неба (у кочевых народов) и боги Земли (у оседлых народов).

Особый интерес представляет то, что европейская палеолитическая мифология раннеземледельческих народов свидетельствует о связи неба с женским началом, то же самое наблюдается и в других оседлых неолитических культурах, где Небо выступало только в женской божественной ипостаси [15]. Таковы Кали, Дамкина, Юнона [16, с. 50–53].

Исходя из этого, значимыми представляются исследования, связанные с амбивалентностью многих небесных богов, когда в одном образе совмещаются мужские и женские характеристики. М. И. Зильберман полагает в этой связи, что такой образ Двуетьного божества и его проявления были привнесены из скотоводческо-кочевой культуры в раннеземледельческие культуры. Так, согласно тюркской мифологии, мужской бог Тенгри в процессе эволюции порождает свою женскую ипостась – Умай – богиню Земли. Амбивалентность обнаруживается и у средиземноморской Афродиты, вавилонской Иштар, древнеегипетских Амона, Нейта, древнегреческого Зевса, шумеро-аккадского Энки, польского Хепри, мемфисского Та-Танен, древнекитайского Хуан-ди и других [16, с. 50–53]. Возможно, это указывает также и на взаимодействие кочевой и оседлой цивилизаций, поскольку, к примеру, в Персии «традиции культа Двуетьного божества позволяли сочетать отправление ритуалов растительного и животного плодородия в едином торжестве» [16, с. 51].

Более того, исследователь доказывает, что представление о едином и единственном Боге возникло в период палеолита и проявлялось в двух ипостасях – как Великая мать и как Бог-Отец. Однако вследствие экспансии кочевников по всей Ойкумене в период с VI по IV тыс. до н. э. у земледельческих народов произошла смена религиозных представлений и низвержение Великой богини до

уровня «мать-земля», приближая ее к заурядной жене или сестре. Отныне повсеместно были распространены представления скотоводов-кочевников о верховенстве Отца-Неба [16, с. 50–53].

На то, что для понимания истории религии человечества в целом Высшие Существа небесной структуры имеют первостепенное значение, обратил внимание М. Элиаде, поскольку само существование неба вызывает религиозное восприятие божественной запредельности. В результате множество божеств получают имена, обозначающие высоту и небесный свод [17, с. 78].

Тем самым, можно заметить, что, несмотря на многообразие этносов, проживающих на территории Евразийского континента, здесь издревле возникла целостность, проистекающая из взаимодействия кочевой и оседлой мировых цивилизаций, что проявилось в широком распространении единого Небесного Бога в различных его интерпретациях – будь то Тенгри/ Дээыр/ Тенир/ Танру/ Тангра/ Тэнир/ Тиир/ Тер/ Тура/ Тенгери/ Тэнгири/ Тэнгэри/ Тангара – у кочевых тюрко-монгольских народов или Дингир, Дигир, Димир, Ан, – в Шумере, Ану – в Вавилоне, Тот, Гор (Хор) в Древнем Египте; Ти, Тиен, Тьен-хун – в Китае (конфуцианство); Тянь, Тянь-ди, Тянь-тай, Тэндай – в Японии (синтоизм); Нис Ти – у айнов; Син – в Месопотамии; Таавт (Тот) – в Финикии; Эль, Элоах, Ил, Илу – в Угарите, Финикии и Ханане; Дьяус, Варуна – в Индии; Хвангун – у корейцев; Перун – у славян; Зевс – в Греции.

Макроцивилизационная система Великой степи

Фундаментальное историческое значение в создании «Большой Евразии» как целостного элемента мировой системы имеет возникшая здесь с периода верхнего палеолита макроцивилизационная система.

На территории Великой степи с древности существовала макроцивилизационная общность, входящая в ноосферную, общечеловеческую, мировые синхронные (кочевую и оседлую) и диахронные (неолитическую, античную, средневековую, Нового и Новейшего времени) цивилизации, а также состоящая из локальных цивилизаций – эндогенных (тенгрианская, скифо-сакская, гунная, тюркская, монгольская, славянская) и экзогенных (буддийская, исламская, христианская). Как видим, уже с древности территория Великой степи была включена в многообразные связи, образующие целостность Большой Евразии. При этом важную роль в создании цивилизационного единства сыграли эндогенные цивилизации Вели-

кой степи – тенгрианская, скифо-сакская, гуннская, тюркская и монгольская [18].

Созданные на основе номадической мировой цивилизации, данные локальные цивилизации, сыграли значительную роль и в создании мир-системы, возникшей в X–VIII тыс. до н.э. В период возникновения Мир-Системы именно кочевники, domestифицировав лошадь, создав колесницы и металлургические технологии, выступали генераторами и донорами тех инноваций, которые способствовали свободному распространению информации, знаний, религиозных представлений, товаров и технологических обменов, приводящих к распространению вооружения и аграрной революции [19]. Более того, кочевники не только установили связь между номадической и оседлой цивилизациями, но и между локальными земледельческими оседлыми цивилизациями, что и определяло геополитическую динамику подъемов и упадков цивилизаций Старого Света [20, с. 95–108].

Из сказанного можно постулировать некоторые положения, касающиеся историко-культурного и цивилизационного единства Большой Евразии.

1. Историко-культурная целостность евразийского континента формировалась с глубокой древности; значительную роль в данном процессе сыграла Евразийская Великая степь.

2. Анализ религиозных представлений древней Евразии обнаруживает наличие Единого Бога – Небесного Бога.

3. Генезис Небесного Бога обнаруживает себя в среде кочевых народов. Это Тенгри.

4. Созданные на основе номадической мировой цивилизации, эндогенные цивилизации Великой степи – тенгрианская, скифо-сакская, гуннская, тюркская и монгольская, сыграли важную роль в создании мир-системы и цивилизационного единства Большой Евразии.

Список литературы

1. *Emerson M.* Towards a Greater Eurasia: Who, why, what and how? // Eurasia emerging markets forum (Sept. 10–11, 2013). Astana, 2013. 88 p.

2. *Караганов С.* От поворота на Восток к Большой Евразии. URL: <http://globalaffairs.ru/public/ot-povorota-na-vostok-k-bolshoi-evrazii-18739> (15.08.2020).

3. World Population Prospects. The 2015 Revision. Vol. II : Demographic Profiles. New York, 2015. Pp. XIII–XXI.

4. *Гумилев Л. Н.* Хунну. Степная трилогия. Санкт-Петербург, 1993. 224 с.

5. *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая Степь. Москва, 2007. 655 с.

6. *Черных Е. Н.* Евразийский «степной пояс»: у истоков формирования // Природа. 2008. № 3. С. 34–43.

7. *Zimov S. A., Zimov N. S., Tikhonov A. N. Chapin, F. S.* Mammoth steppe: A high-productivity phenomenon // Quaternary Science Reviews 2012. No. 57. Pp. 26–45.

8. *Guthrie R. D.* Frozen Fauna of the Mammoth Steppe. Chicago, 1990.

9. *Соди Д.* Великие культуры Месоамерики. Москва, 1985. 208 с.

10. *Аязбекова С. III.* Цивилизационная общность и этнокультурная идентичность народов Севера // Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2019. С. 112–114. DOI 10.17746/0295-7.2019.000-000.

11. Туран на старинных картах: атлас: Казахстан, Центральная Азия, Прикаспий, Приуралье, Западная Сибирь, Восточный Туркестан, Балх, Хорасан. Образ пространства – пространство образов. Москва, 2008. 480 с.

12. *Аджи М.* Тюрки и мир. Сокровенная история. Москва, 2015. 638 с

13. *Tartarica.* Атлас. Казань : Москва : Санкт-Петербург, 2005. 887 с.

14. Основы евразийства. Москва, 2002. 800 с.

15. *Голан А.* Миф и символ. Избранное. Ч. I. URL: <http://www.fedy-diary.ru/library-pages/agolan-mif-i-simvol-izbrannoe-chast-i/> (11.11.2020).

16. *Зильберман М. И.* Древний человек и божество. Т. 1. URL: <https://www.rulit.me/books/drevnij-chelovek-i-bozhestvo-tom-1-si-read-463662-51.html> (11.11.2020).

17. *Элиаде М.* Священное и мирское. Москва, 1994. 144 с.

18. *Аязбекова С. III.* Цивилизации Великой Степи. Нур-Султан, 2019. 223 с.

19. *Гринин Л. Е., Коротаев А. В.* Социальная макроэволюция. Генезис и трансформации Мир-Системы. Москва, 2008. 568 с.

20. *Крадин Н. Н.* Кочевники Евразии. Алматы, 2007. 416 с.